

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Юрий Иваньо

юрий иваньо

Любовь и смерть

<https://litres.ru/74372338>

SelfPub; 2026

Аннотация

Смерть и Любовь — две древние сущности, уставшие от своих должностей, — встречаются в городском парке, чтобы обсудить очередной провал: пьяный купидон перепутал стрелы, и теперь инженер Артём Соколов испытывает нежные чувства к троллейбусу, а скромная реставраторша Вера Лебедева собрала гарем из начальников, курьера и влюблённого кота. Всё это — лишь начало абсурда.

Но когда Смерть получает приказ забрать одного из влюблённых, чтобы предотвратить рождение будущего гения, привычный бюрократический ужас небесной канцелярии сталкивается с человеческим выбором. Ведь у каждой из героинь — своя тёмная история за спиной: одна была продана в рабство и убита любимым, другая годами отправляла на утилизацию живых людей по фальшивым документам.

Смесь городского фэнтези, чёрного юмора и философской притчи о том, что даже в системе, где всё предопределено, всегда находится место для бунта — и для любви.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

юрий иваньо

Любовь и смерть

Глава 1

Глава 1. Две девушки в парке

По асфальтированной дорожке городского парка, мимо облупленных скамеек и клумб с усталыми петуньями, шли две молодые девушки — из тех, на кого оборачиваются даже глубоко женатые мужчины, а потом долго получают локтем в бок. Обе были в облегающих платьях. Брюнетка — в угольно-чёрном, с глубоким V-образным вырезом, который она носила с таким видом, будто вырез этот придумали специально для неё. Стройная блондинка шла рядом в ослепительно белом платье-майке на тонких бретельках и, в отличие от спутницы, на восхищённые взгляды не реагировала вовсе. Смотрела она прямо перед собой, и было в этом взгляде что-то такое, отчего голуби на дорожке заранее разлетались, а старушка с семечками, сидевшая у фонтана, вдруг вспомнила, что не выключила уютю, и заторопилась домой.

— Смерть, ну чего ты снова дуешься? — брюнетка поправила солнечные очки, сдвинутые в волосы. — Ну да, накосячили мы немного.

— Немного? — блондинка остановилась так резко, что бе-

гун в наушниках, трусивший позади, едва не влетел ей в спину, охнул, извинился и почему-то перекрестился. — Немного?!

— Ну что ты опять заводишься? И вообще, это всё Ибрагимчик виноват, купидон недоделанный. Опять наакался вина и попал не в того. Со всеми бывает, — брюнетка nahmурила бровки с видом человека, который снимает с себя ответственность профессионально, лет эдак тысячу.

— «Со всеми бывает»? — блондинка задохнулась от возмущения. — Твой купидон должен был влюбить Артёма Соколова в Веру Лебедеву. Од-но-го че-ло-ве-ка в од-но-го человека! А что сделал он?

— Ну...

— Он влюбил в Веру Лебедеву её начальника, начальника её начальника, курьера службы доставки, кота курьера...

— Кота-то как? — искренне изумилась брюнетка. — Стрелы же на животных не действуют!

— А вот так! Рикошетом! От самовара в витрине антикварного магазина! — блондинка загибала пальцы. — И вишенка на торте: сам Артём Соколов теперь испытывает необъяснимую нежность к троллейбусу маршрута номер четырнадцать. Он вчера гладил его по борту на конечной. Водитель вызвал наряд.

Брюнетка не выдержала и прыснула.

— Ой, не могу... Троллейбус... Четырнадцатый...

— Тебе смешно?! — зашипела блондинка. — Пригляды-

вать надо лучше за своими подчинёнными!

— Ах, приглядывать лучше? — брюнетка мгновенно перестала смеяться, и в её тёмных глазах полыхнуло что-то очень древнее и очень нехорошее. — Да ты хоть понимаешь, почему Ибрагимчик пьёт так безбожно перед каждым делом? Ты хоть знаешь, как он стал купидоном и кем был до этого? А я тебе расскажу, милая моя смертушка...

— Не называй меня на людях Смертью! — блондинка воровато оглянулась. Мамочка с коляской, проходившая мимо, ускорила шаг. — На земле я Настя! Понятно тебе? Настя!

— Извините, пожалуйста, А-на-ста-си-я, — издевательски пропела брюнетка. — Ну и имя же ты себе подобрала. Почему не Мара? Не Морана? Хотя бы Клавдия, что ли, — в этом есть какая-то обречённость. А то — Настя. Для смерти как-то несолидно... Хотя, — она склонила голову набок, — как знать, как знать. «Настя» — от «Анастасии». «Воскресшая» по-гречески. А ты у нас, выходит, смерть с намёком на воскресение. Может, ты в глубине души оптимистка?

— Ты вроде хотела что-то про нашего купидона рассказать, — процедила Настя сквозь зубы тоном, которым обычно зачитывают приговоры.

— Ах да! — брюнетка взяла её под руку и потянула по дорожке дальше, к пруду. — Ну слушай.

Глава 2. История Ибрагима

— Ибрагимчик наш при жизни обитал где-то на Кавказе. Век не спрашивай, который — сам путается, а документов

у нас, сама знаешь, не водится. Красивый был мужчина. Не просто красивый — из тех, про кого бабушки у ворот говорили «шайтан», а сами украдкой любовались. Чёрные глаза, чёрные брови вразлёт, зубы белые, как снег на вершине, и голос — м-м-м... Он когда пел, у соседей молоко скисало от зависти.

— Ближе к делу.

— А дело в том, что был он ловелас, каких свет не видывал. Разбивать женские сердца было для него не грехом и даже не привычкой — охотой. Спортом. Он выслеживал добычу неделями: узнавал, какие цветы растут у её окна, какие песни она любит, в какой день она ходит к роднику. Писал стихи. Ты не поверишь — хорошие стихи! Дарил платки, расшитые серебром. Клялся звёздами, горами и могилой деда. А как только женщина сдавалась, как только говорила ему «да»...

— Бросал.

— В тот же день. Иногда — в тот же час. Разворачивался и уходил, насвистывая. И знаешь, что самое страшное? Ему даже не было приятно. Победа его не радовала — его радовала погоня. А в тех краях, сама понимаешь, нравы строгие: девушка, о которой пошла дурная слава, замуж уже не выйдет. Сколько судеб он переломал — мы с архивным отделом считали, сбились на четвёртом десятке. Проклинали его брошенные, ох как проклинали. Матери их проклинали, бабки проклинали. А проклятие, милая, — это ведь как копеечка

в копилку: по одной незаметно, а потом вдруг звенит на всю округу.

— И зазвенело?

— Ещё как. На старости своих неполных тридцати лет наш охотник сам угодил в капкан. Встретил девушку — и пропал. Вот честное слово, я поднимала его дело: там всё по-настоящему. Не спал, не ел, стихи писать разучился — сидел на камне над рекой и молчал. Впервые в жизни молчал! А девушка возьми да и окажись с характером: месяц его выдерживала, два... А у девушки — три брата. И до братьев дошли слухи, кто таков этот красавец, что круги вокруг их сестры нарезает. Слухи, надо сказать, чистая правда, вот в чём беда. Братья рассудили просто: этот попользуется и бросит, а сестру потом никто не возьмёт. И однажды тёмным вечером, в переулке за духаном, состоялся разговор. Короткий. С ножами.

Брюнетка помолчала, глядя на пруд, где утки делили кем-то брошенный батон.

— Поножовщина — дело быстрое. Он даже сказать ничего не успел. Так и вышло: сердце разбил без счёта, а сам настоящей любви так и не познал — умер за неделю до того, как она сказала бы ему «да». Я проверяла по архивам судьбы: сказала бы. Через неделю. — Она вздохнула. — Ирония у мироздания, конечно, специфическая.

— А дальше?

— А дальше он попал к нам, и был у него выбор, как у

всех, за кем числится должок: либо в небытие, либо отрабатывать. Ему выпало отрабатывать купидоном — соединять сердца, раз уж при жизни только разбивал. Он тогда, наивный, даже обрадовался: думал, будет порхать себе с луком, романтика, девушки, облака. Он же не знал, что купидон в нашей конторе — низшая каста. Что все смотрят на тебя сверху вниз, что жалованья — слёзы, что премию последний раз выдавали при Шекспире. И главное — он не знал про дресс-код.

— Набедренная повязка, — кивнула Настя.

— Набедренная повязка! — брюнетка воздела руки к небу. — Как у младенца с открытки! Это горец, понимаешь? Мужчина, который при жизни без кинжала и папахи за порог не выходил! А тут — крылышки, кудряшки и подгузник на лямке. Он, когда впервые увидел себя в зеркале, неделю не выходил из тучи. А потом нашёл, где у нас в отделе снабжения хранится вино для юбилейных свадеб... и с тех пор перед каждым заданием — сама видишь. Гордость, милая моя. Гордому человеку позор страшнее смерти. Уж прости за профессиональный термин.

Настя некоторое время шла молча.

— То есть для него это наказание, — сказала она наконец задумчиво. — Ну ладно, с ним всё понятно: за что боролся, на то и напоролся. Но ты-то! Ты почему такая бессердечная? Ты же Любовь! Ты должна дарить людям радость, надежду, мир! А по твоей воле развязываются войны, люди убивают

друг друга. Троя! Помнишь Трою? Десять лет резни — из-за чего? Если бы не ты, люди доживали бы до старости, а они гибнут тысячами — ради тебя! Все войны так или иначе из-за тебя: любовь к родине, любовь к своей земле, любовь к женщине... Разве плохо было бы без всего этого? Люди жили бы в мире!

— Ой, ну хорош, — отмахнулась Любовь. — Во-первых, не я это начала. Я на этой должности всего-то чуть больше тысячи лет — Троя, между прочим, не моя, это к предшественнице. Во-вторых... — она замаялась. — Знаешь, я ведь с предшественницей отчасти согласна, хотя она, конечно, сильно перегибала палку. Уж не знаю, что у неё был за бзик, но людей она погубила куда больше моего. А почему я такая?.. — Любовь усмехнулась, и усмешка вышла кривой. — Думаешь, я рвалась на эту должность? Хочешь услышать, почему я такая? Садись. — Она кивнула на скамейку у пруда. — Стоя такое не рассказывают.

Глава 3. История Любви

Они сели. Любовь сняла туфли, поджала под себя ноги — совершенно по-человечески — и заговорила, глядя не на Настю, а на воду.

— Родилась я давно и далеко. Настолько давно, что страны той больше нет, и языка того больше нет, и даже реку, у которой стояла наша деревня, потом переименовали три раза. Семья была бедная — не «бедная» в вашем нынешнем смысле, когда телефон старой модели, а бедная по-настоя-

щему: когда в доме на зиму мешок зерна, а ртов — семь. Я родилась восьмым. Родители посмотрели на меня, посчитали мешки... и однажды на рассвете отец отнёс меня к дороге и оставил в придорожной канаве. Зимой. Не со зла — от арифметики. Арифметика, милая, убила больше людей, чем все мои войны.

— И ты выжила.

— На мою удачу — если это слово тут уместно, — мимо ехали монахи. Услышали писк из канавы, подобрали. До пяти лет я жила при обители, и это были лучшие годы моей жизни, хотя я их почти не помню. Помню запах воска. Помню, как кто-то большой и тёплый пел надо мной на непонятном языке. Помню, что не было страшно. Всё. Больше в моей жизни «не страшно» не было ни одного дня... А потом в обитель заехал проезжий купец. Богатый, солидный, борода веером. Сказал монахам: сироте нужна семья, дом, воспитание, а у него как раз дочка растёт — будут вместе играть. Монахи люди святые, в людях разбирались плохо. Отдали меня. Вот тут-то всё и началось.

Она замолчала. По пруду плыла утка, за ней — вереница утят.

— Никакой дочки, с которой «вместе играть», я не увидела. Точнее, увидела — из-за забора. К дому меня не подпускали. Меня поселили в хлеву, со свиньями, — с ними же я и спала, ими же, честно говоря, и грелась зимой. Работа мне доставалась самая грязная, какую только можно вообразить:

я чистила сортиры, выгребала навоз, таскала помои. Знаешь, к двенадцати годам я была уверена, что запах нечистот — это просто запах воздуха, что он есть везде. За каждый проступок — настоящий или выдуманный — меня били. Били умело, аккуратно: без открытых ран. Не из жалости — из расчёта: с открытой раной в той грязи, где я жила, не выживают, а рабочая единица денег стоит. Я была для них не человеком — инвентарём. Меня презирали все, вплоть до последнего конюха, и это было взаимно. Но вот что странно... — Любовь повернулась к Насте. — Где-то внутри меня всё равно горел огонёк. Мне хотелось любить и быть любимой. Глупо, да? Существо, которое спит со свиньями, мечтает о любви. Я гнала эту мечту прочь, как гонят приبلудную собаку, а она возвращалась. Собаки всегда возвращаются к тем, кто их гонит. Такая уж у них... у нас... порода.

— И что было дальше?

— Дальше я выросла. Несмотря ни на что — на голод, побои и грязь, — я выросла красивой. Очень красивой; я это говорю без хвастовства, как факт из личного дела. Когда мне сравнялось восемнадцать, хозяин это наконец разглядел. И знаешь, что он сделал? Велел меня отмыть, приодеть, накормить — впервые за тринадцать лет я ела за столом, с посуды, ложкой! Я, дура, решила: всё, жизнь поворачивается. Может, замуж выдадут за работника. Может, в дом возьмут, к чистой работе... — Любовь коротко, зло рассмеялась. — Он меня оценивал. Как оценивают лошадь перед ярмаркой. От-

мытая и накормленная, я стояла дороже. Через неделю он продал меня в заведение в портовом городе. Знаешь, какие заведения бывают в портовых городах.

Настя молча кивнула. Она знала. По роду службы она бывала в таких заведениях чаще, чем ей хотелось бы.

— Я не буду рассказывать тебе про те годы, — ровно сказала Любовь. — Не потому, что забыла. Потому что помню. Скажу только, что ненависть во мне росла с каждым днём — к людям, к миру, к себе. Однажды я попыталась уйти сама, — она провела пальцем по запястью, — но меня спасли. Не из человеколюбия: я была имуществом, а имущество портить нельзя. После этого меня наказали так, что вторая попытка мне уже и в голову не приходила... И вот однажды к нам заехал молодой купец. Совсем молодой, едва за двадцать пять, с обветренным лицом и удивительно ясными глазами. И он был — другой. Он не хамил. Он разговаривал со мной. Понимаешь? Раз-го-ва-ри-вал. Спрашивал, откуда я родом, помню ли мать, о чём мечтаю. Мне было двадцать, и за всю жизнь ни один человек не спросил меня, о чём я мечтаю! Он приходил ещё, и ещё, и мы просто говорили — часами. Он рассказывал про море, про города с белыми башнями, про Рим. Говорил, что красивее девушки не встречал. Что я достойна большего. Что он выкупит меня из этого грязного места и увезёт с собой... И тот огонёк, который я гнала всю жизнь, — он вспыхнул. Впервые за двадцать лет я узнала, что значит любить и верить. Однажды он сказал: «Всё, сегодня

иду к твоему хозяину. Собирай вещи». Вещей у меня было — гребешок да платок... Я не выдержала. Протыкнула за ним и встала под дверью хозяйского кабинета — хотела своими ушами услышать о своей свободе.

Любовь смотрела на пруд, но видно было, что видит она не пруд.

— И слышала. «Сколько ты за неё хочешь?» — «Пять серебряных». — «Да ты в своём уме? Она и одного не стоит. Год-два — и на неё никто не взглянет. Давай за два». — «Раз она так плоха — зачем она тебе? Таскался к ней каждый день». — «Ты же прекрасно понимаешь: без её согласия её не вывезти в Рим. Вот и пришлось наплести про прекрасную жизнь». — «И что же её ждёт в Риме?» — «Моему господину нужно иногда... расслабляться. А девушки у него быстро кончаются: любит он их сперва помучить. Она как раз подойдёт. На полгода, думаю, хватит. А там — за новой к тебе приеду. Ну что, по рукам?» — «А, ладно. Забирай».

Над прудом кричали чайки. Любовь досидела паузу до конца и договорила — спокойно, почти буднично, и от этого спокойствия было хуже, чем от любого крика:

— Понимаешь, я ведь верила ему. Верила! Каждому слову. А он торговался за меня, как за бочку тухлой селедки, и сбивал цену... В тот момент уголёк, который только-только начал разгораться, погас. Навсегда. Я ворвалась в кабинет и бросилась на него — с кулаками, с ногтями, вслепую. Я хотела убить его. Я, которая мухи в жизни не обидела. Но си-

лы были не равны: он был воин, а я — измученная девчонка. Там же, в кабинете, моя несостоявшаяся любовь хладнокровно вонзила мне клинок в сердце. Знаешь, что он при этом сказал хозяину? «Вычти из цены». — Любовь надела туфли и выпрямилась. — Вот такая история. А потом я открыла глаза уже в конторе, и мне предложили должность. Сказали: у тебя уникальная квалификация — ты знаешь любовь со всех сторон, включая изнанку. Кто хлебнул изнанки, тот бережнее с лицевой стороной... Так что не спрашивай меня, почему я такая. Я не бессердечная, Настенька. У меня просто шрам на том месте. Прямо по центру. Пять сантиметров, входное отверстие. Хочешь — покажу?

— Не хочу, — тихо сказала Настя. — Извини. Я не знала, что твоя жизнь была такой... такой. — Она помолчала. — Странно получается. Мне казалось, что на службу любви берут тех, кто при жизни познал её сполна. А тут всё наоборот.

— А у тебя разве не так же? — Любовь подняла бровь, и к ней стремительно возвращался её обычный легкомысленный тон, как возвращается вода в след от ноги на мокром песке. — Ну-ка, ну-ка. Твоя очередь, подруга. Рассказывай: как ты стала Смертью?

Часть вторая

Глава 4. История Насти

Настя долго молчала. Утка на пруду собрала утят и увела их в камыши — от греха подальше: животные всегда чувствуют, когда рядом кто-то из конторы.

— Моя история короче твоей, — сказала она наконец. — И скучнее. У меня не было ни канавы, ни свиней, ни портового города. У меня была нормальная жизнь. В этом, наверное, и весь ужас.

— погоди, — Любовь прищурилась. — Ты говорила когда-то, что работала... как это... утилизатором андроидов? Это которые роботы, похожие на людей?

— Они самые.

— Постой-постой! — Любовь даже подпрыгнула на скамейке. — Так ты из будущего?!

— Да, из будущего. Как и любая Смерть, между прочим. Ты что, устав не читала?

— Я устав пролистала, — честно призналась Любовь. — Там семьсот страниц, и все про отчётность.

— Ну так слушай. Смерть всегда набирают из будущего — из времени, которое ещё не наступило для тех, кого она забирает. Логика простая: нельзя жалеть тех, кого для тебя ещё как бы нет. Дистанция. Профессиональная гигиена. — Настя усмехнулась без всякого веселья. — И ещё одно. У каждой Смерти определён срок. Каждая из нас знает, когда ей придётся покинуть этот пост. Потому что последней моей жертвой буду я сама. Понимаешь? Однажды я приду за девочкой, которая родится в две тысячи сто двадцать четвёртом году, вырастет, выучится, устроится на завод утилизации... Я, Смерть, должна буду забрать саму себя — ту, которая ещё человек. Замкнуть круг. Это как экзамен. Пропуск

в следующий мир.

— И... ты знаешь дату?

— Знаю. — Настя посмотрела на неё спокойно. — Все знают. Не спрашивай, привыкаешь. Первые лет десять просыпаешься с этой датой в голове, потом она становится как день рождения — просто число... Ну да ладно, об этом позже. Ты про работу спрашивала.

Она откинулась на спинку скамейки и прикрыла глаза, будто читая по внутренней стороне век.

— В моё время прогресс дошёл до того, что человека от андроида не отличить. Совсем. Внешне — копия: кожа тёплая, поранишь — идёт кровь, зрачки реагируют на свет. Эмоции, юмор, страх, привязанности — всё неотличимо. Раньше был тест: андроид не может лгать о своей природе, спроси в лоб — обязан ответить. А потом приняли закон о цифровом достоинстве: каждый андроид получил право считать себя человеком и называть себя человеком. Гуманно, правда? Прогрессивно. Парламент аплодировал стоя. — Настя открыла глаза. — Ты понимаешь, что это означало на практике? Что больше не осталось ни одного способа отличить. Ни одного. Только реестр. База данных: вот серийный номер, вот дата активации, вот владелец лицензии. Есть запись — андроид. Нет записи — человек. Всё. Истина стала строчкой в таблице.

— И строчку можно переписать, — медленно сказала Любовь.

— Умница. Ты быстрее меня сообразила — мне на это понадобилось семь лет и одна сломанная жизнь. — Настя невестело хмыкнула. — Да, строчку можно переписать. В криминальных кругах смекнули моментально. Хочешь убрать человека? Зачем нанимать убийцу, зачем рисковать, прятать тело, бояться экспертизы? Просто заплати нужному сисадмину. Ночью база на человека стирается, вместо неё вписывается база андроида: серийный номер, накладная, отметка «неисправен, склонен к бреду самоидентификации». Утром за ним приезжают. Официально. С документами. По закону. И никаких концов: после утилизации остаётся пепел, а пепел по контракту идёт на производство автомобильных ковриков. Человек исчезает — а по бумагам его никогда и не было.

— А если он кричит, что он человек?

— А они все кричат, — тихо сказала Настя. — В том-то и дело. Настоящие андроиды — они же по закону имеют право считать себя людьми, помнишь? И они пользуются этим правом. Все до единого. Каждый, кого привозили ко мне на конвейер, плакал, умолял, называл имена детей, показывал шрам с рыбалки, читал стихи, которые «написал в девятом классе». У них были воспоминания — прекрасно прописанные, с запахами и обидами. Мне на первой неделе работы наставник сказал: «Запомни, девочка: чем громче кричит, что человек, — тем дороже была прошивка. Не слушай. Смотри в реестр. Реестр не плачет и не врёт». И я смотрела в реестр.

Семь лет, милая. Семь лет я смотрела в реестр.

Настя замолчала. Мимо скамейки прошёл мужчина с собакой; собака вдруг села, посмотрела на блондинку долгим внимательным взглядом и тихонько заскулила. Хозяин потянул поводок и уволок её, оглядываясь.

— Работа как работа, — продолжила Настя. — Платили прилично, график удобный. К крикам привыкаешь месяца за три — как санитары привыкают, как патологоанатомы. Мозг умный, он защищается: это не люди, говорит он тебе, это изделия. Молящее о пощаде изделие. Голосящее изделие. Ты же не плачешь над стиральной машиной... А однажды пришла новая партия. Двенадцать единиц. Всё шло как обычно: приёмка, сверка номеров, конвейер. И в седьмом по счёту я узнала Лёшку Гордеева.

— Кто это?

— Приятель мой. Старый, ещё со школы. Мы лет пять не виделись — он уехал в другой город, занимался какими-то расследованиями, журналист он был... Стоит в приёмном боксе, прикованный, и смотрит на меня. И говорит: «Настька. Настька, это я. Скажи им». — Настя сглотнула. — Я, конечно, первым делом подумала: копия. Бывает же. Кто-то снял с него слепок, всё легально, мало ли. Но я позвонила начальству — доложить о нештатной ситуации. И побежала его освобождать. А начальство явилось быстро. Очень быстро, с охраной, — так быстро приезжают только тогда, когда очень боятся. И мне приказали оставить его прикованным. А

потом отвели в кабинет, налили чаю — представляешь, чаю! — и рассказали весь расклад. Спокойно, по-отечески. Что Гордеев копал под корпорацию и докопался. Что таких, как он, через мой конвейер проходит в среднем два-три в месяц. Что я толковый, проверенный сотрудник, и мне давно пора знать правду, и что премия в этом квартале будет двойная. И между делом, как справку, сообщили, что за семь лет через мои руки прошло не «две-три единицы в месяц», а... — она остановилась. — В общем, я к тому моменту отправила на тот свет не одну сотню людей. Настоящих, живых людей. Своими руками. По реестру.

— Но ты же не знала! — воскликнула Любовь. — Ты не виновата, тебя обманули, ты...

— Я никого не хотела убивать, — Настя сказала это ровно, как заученное, как фразу, которую повторяла себе тысячи раз. — Никого. Ни одного. А убила сотни. Знаешь, что самое страшное? Я стала вспоминать лица. Все семь лет мозг их не сохранял — изделия же, — а тут они начали возвращаться. По ночам. С именами детей, со шрамами с рыбалки, со стихами из девятого класса... Эта новость меня сломала. Пополом. А начальство ждало ответа. Выбор мне озвучили честно, без экивоков: либо я продолжаю работать — теперь уже всё понимая, — либо занимаю место в той же партии, рядом с Гордеевым. Оформление займёт одну ночь, сисадмин на месте.

— И ты...

— А я даже не думала. Вот честно — ни секунды. Встала рядом с Лёшкой, взяла его за руку и сказала: «Я больше не заберу ни одной жизни». — Настя усмехнулась. — Красиво сказала. Как в кино. А через сутки очнулась в конторе, и мне предложили должность. И знаешь, что сказали на собеседовании? «У вас идеальный профиль: вы умеете забирать жизни, не испытывая ненависти, и вы поклялись не забирать их, — значит, будете забирать бережно». Понимаешь юмор мироздания? Я сказала «больше ни одной жизни» — и стала Смертью. Навечно. Такое у него, у мироздания, чувство...

— Слушай! — Любовь вдруг схватила её за локоть, и глаза её загорелись. — А на Марсе! На Марсе-то мы первые были? Ну, люди! Долетели?

Повисла пауза. Где-то очень далеко, вероятно, упала звезда.

— На каком... Марсе, — отдельно произнесла Настя. — Я тебе. Душу. Излила. Я не хотела никого убивать — а стала самой Смертью! А ты меня про Марс спрашиваешь?!

— Ой. Да. Прости-прости-прости. — Любовь покаянно прижала руки к груди, выдержала целых четыре секунды скорбного молчания и не выдержала: — Ну а всё-таки?..

— Долетели, — сквозь зубы сказала Настя. — В тридцать девятом. И первое, что сделали на Марсе, — поставили ларёк с шаурмой. Довольна?

— Очень, — просияла Любовь. — Я в человечество всегда верила.

Глава 4.1. Отдел личных дел

— Значит, через мои руки проходили люди, а я не могла отличить их от машин, — закончила Настя. — Теперь я отличаю живых от мёртвых безошибочно. Мироздание любит симметрию.

Любовь сидела тихо. Для неё это было настолько непривычно, что утка снова выглянула из камышей, проверяя, не случилось ли чего.

— А Лёшка? — спросила она наконец.

— Что — Лёшка?

— Он тоже оказался в конторе?

Настя покачала головой:

— Не знаю.

— Как это — не знаешь? Вы умерли вместе.

— Вместе умирают только в человеческом понимании. Там время идёт иначе. Я очнулась в приёмном отделе одна. Меня зарегистрировали, выдали временное удостоверение, провели собеседование. Я всё спрашивала про него, но мне отвечали: «Персональные сведения разглашению не подлежат».

— Даже тебе?

— Особенно мне. Я тогда ещё никем не была. Просто душой без распределения.

— Но потом ты стала Смертью. У тебя же доступ к архивам.

— К архивам смертей — да. К личным делам умерших —

нет. Это другой департамент.

Любовь задумчиво покачала ногой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.